

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.17223/1998863X/87/21

ОТНЯТЬ И КЛАССИФИЦИРОВАТЬ!

Александр Юрьевич Антоновский¹, Тимофей Андреевич Кушнир²

^{1, 2} Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия

¹ antonovski@hotmail.com

² tim.and.kus@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена идея «квантовой» метафоры для научных классификаторов: соотносится ли коллапс волновой функции с переходом от диффузных макрообъектов к строгим таксонам. Авторы анализируют пропозиции Е.В. Масланова, сопоставляя их с системно-коммуникативным подходом: классификация выступает измерением, но её жёсткость ограничена контингентностью наблюдателя. Показано, что дисциплинарная дифференциация науки одновременно порождает «естественные виды» и усиливает нормативную власть таксономий.

Ключевые слова: таксономия, классификация, философия науки, квантовая метафора, коллапс волновой функции, жизненный мир, система науки

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00183, <https://rscf.ru/project/24-18-00183>

Для цитирования: Антоновский А.Ю., Кушнир Т.А. Отнять и классифицировать! // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 239–249. doi: 10.17223/1998863X/87/21

Original article

SUBTRACT AND CLASSIFY!

Aleksandr Yu. Antonovskiy¹, Timofey A. Kushnir²

^{1, 2} Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation

¹ antonovski@hotmail.com

² tim.and.kus@gmail.com

Abstract. This article presents a philosophical analysis of the application of the “quantum” metaphor to scientific classification and taxonomy. Its central inquiry is whether the collapse of the wave function in quantum mechanics provides a valid analogy for the transition of scientific knowledge and objects from an uncertain, diffuse state to one of rigorous classification and measurement. The authors examine the viewpoint of Evgeniy V. Maslanov, who posits scientific classifiers as unique measurement tools that “collapse” a space of uncertainty to establish strict taxonomies. This concept is contrasted with the system-communicative approach, which holds that all classification is ultimately a product of the observer's perspective. Through examples from disciplinary differentiation in science, the authors demonstrate that processes for identifying “natural kinds” are inextricably linked to the growing normative power of taxonomies. Classifiers do not simply record a pre-existing order; they actively constitute it, functioning as regulatory tools within scientific communication. Consequently, classification is subject to double contingency: prior to any measurement, one must define what is to be measured and how, while the act of measurement itself influences the object, delineating the boundaries of its possible

descriptions. The article further explores the normative character of taxonomies, which codify a “collectively binding truth” and subsequently influence the distribution of social authority, financial resources, and institutional recognition. Thus, the act of classification carries not only epistemic but also politico-ethical significance. The authors conclude that the “collapse of the wave function” metaphor holds substantial heuristic potential for understanding the nature of scientific classification, wherein “natural kinds” emerge solely as outcomes of conventional and institutional agreements within the scientific community, their perceived rigidity always constrained by the contingency of the observer.

Keywords: taxonomy, classification, philosophy of science, quantum metaphor, collapse of the wave function, lifeworld, system of science

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00183, <https://rscf.ru/project/24-18-00183>

For citation: Antonovskiy, A.Yu. & Kushnir, T.A. (2025) Subtract and classify! *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 87. pp. 239–249. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/21

Несколько соображений по поводу квантовой метафоры применительно к научным классификаторам, которая, на наш взгляд, действительно обладает по крайней мере эвристическим потенциалом. Один из авторов данной статьи недавно высказывался о суперпозиционности науки в ее целостности. Отрадно, что данная идея получила резонанс и в данном случае – в виде уточнения применительно к конкретной научной практике [1]. Если в статье Антоновского [2] она ведется на уровне науки как коммуникативной системы в целом, т.е. в рамках некой «общей теории науки», то в статье Масланова имеется в виду скорее теория среднего уровня (в смысле Мертона). В ней говорится о научных классификаторах как о конкретных ориентирах для научных практик и коммуникаций.

«Научный классификатор оказывается инструментом, который не просто фиксирует состояние дел, существующее в науке. Он выступает определенным измерительным прибором, который „схлопывает“ научный результат и пространство научного знания до отнесения к одной из научных дисциплин» [1. С. 235].

Однако мы хотели бы сохранить известный скептицизм в отношении этой идеи применения понятия суперпозиционности к макрообъектам (и науке как сложной системе, и к научным классификаторам как результатам научной коммуникации).

Так, с одной стороны, кажется, что транспонирование суперпозиционности на макроуровень выглядит нетривиальным методологическим и, главное, эвристическим исследовательским ходом. Ведь теперь можно фиксировать, какой параметр объекта утрачивает определенность при уточнении другого параметра. Например, при росте определенности предметных границ науки (которые сегодня определяются публикациями в высокорейтинговых журналах) тем менее определенными становятся социальные границы науки. Поскольку образуется слой людей, которые сами не занимаются исследованиями, не являются авторами, а специализируются на экспертизе. Профессиональных пир-ревьюеров вряд ли можно считать полноценными исследователями.

Но, с другой стороны, при ближайшем рассмотрении утверждение о диффузности или размытости макрообъектов и зависимости атрибутируемых

им свойств от позиций, интересов, разрешающей способности, диспозиционности наблюдателей в макромире является сегодня уже очевидным и отчасти тривиальным. Чего ни хватишься в нашем человекоразмерном мире, все оказывается в суперпозиции и коллапсирует в определенность в его наблюдении или измерении.

При желании у многих объектов, природных и социальных явлений (островов, камней, людей, социальных групп) можно найти фракталоподобные границы [3], которые бесконечно меняются в зависимости от разрешающей способности и практических потребностей наблюдателя. Стандартным примером является парадокс береговой линии – «Coastline paradox». Эта проблема возникает при попытке измерить длину береговой линии. Чем точнее измерение, тем больше оказывается ее длина, в перспективе стремясь к бесконечности.

Видимо, именно такая размытость и диффузность макрообъектов требует от наблюдателя действовать ресурсы классификаций, в ходе которых, как отмечает Масланов, и осуществляется коллапс волновой функции. Эти классификации – как наблюдательные инструменты, которые при помощи иерархической структуры *четких* понятий и родовидовых определений генерируют иерархические модели реальности и своей понятийной строгостью словно компенсируют диффузность и нечеткость наблюдаемого внешнего мира. Но, как мы покажем ниже, нечеткости мира может отвечать только нечеткость классификаций.

Еще более вопиющий случай коллапсирующей силы (научно обоснованного, «дисциплинарного» в смысле Мишеля Фуко) наблюдения представляют собой текущая технополитическая реальность и соответствующие ей объекты. Паноптикум Бентама как метафора хорошо иллюстрирует дисциплинирующий принцип надзора, меняющего поведение людей, знающих или подозревающих о их наблюдении. Сама субъектность людей – по мысли Фуко – сегодня определяется фактором такого дисциплинирующего наблюдения [4]. (Как мы помним, Фуко связывал субъектность с первичной греческой семантикой субъекта «стоять под» наблюдением).

Итак, макрообъекты жизненного мира человека (как природной, так и социальной реальности) сегодня меняются под воздействием коллапсирующей силы наблюдения и этим утрачивают определенность.

В этом контексте возникает вопрос о том, имеются ли отличия сугубо научной суперпозиционности от – сегодня уже вполне типичной и привычной – реализации этого принципа в жизненном мире человека и всей социальной реальности. Возникает вопрос о том, является ли наука в ее функции фиксатора неопределенности *каким-то выделенным* наблюдателем среди других? Чем ее измерения (классификации) лучше тех, что придумал Борхес, и каковые нерефлексивно используются в жизненном мире человека? Ведь и те и другие в их схватывании объектов через коллапс волновой функции действуют аналогично. Не только научно классифицируемые элементарные частицы, химические элементы, биопопуляции и социальные группы, но и «бродячие собаки», «животные, принадлежащие императору» и «молочные пороссята» требуют индивидуализирующих оснований для выделения их в отдельные группы, популяции, классы жизненного мира с флюктуирующими границами.

Коллапс волновой функции в жизненном мире в контексте системно-коммуникативной теории

Конечно, методологически и рефлексивно выверенные наблюдательные, измерительные, экспериментальные практики науки выделяются на этом фоне диффузных объектов жизненного мира. Во вненаучном, жизненном, мире человека сталкиваются два многообразия (многообразие размытых неопределенных объектов и многообразие семантик, неопределенных слов, которые фиксируют эти объекты). Неопределенное облако мыслей противостоит неопределенному облаку предметов. Однако в акте всякой операции (ментального представления или коммуникативного сообщения как формы коллапсирования волновой функции) из двух массивов случайностей возникает относительно строгий порядок – последовательность событий (высказываний), которые уже образуют четкую, эмпирически фиксируемую, а не диффузную последовательность. Можно спорить с тем, о чем мы говорим или пишем. Но трудно оспаривать сам эмпирический факт вербальных или письменных нарративов.

Возникает ситуация двойной контингенции¹. В ходе каждой мыслительной или коммуникативной операции (акта выбора в массиве неопределенностей слов или объектов) образуется граница коммуникативной системы, а вместе с ней и сама система, отличающая себя от всего остального внешнего мира этой системы как ее тема или предмет наблюдений и описаний. Можно выбрать то или иное выражение из массива (медиума) потенциальных комбинаций слов, которые как переменные пробегают бесчисленное количество их внешнемировых коррелятов. Слово *гавагай* может обозначать любой пространственно-временной аспект зайца, но будучи произнесенным и так или иначе понятым коммуникантами в каждом оно коллапсирует, фиксируя данный конкретный аспект. Неопределенность самореферентного потока коммуникации (где сообщения коннектируют с сообщениями, а не с предметами) схватывает неопределенность столь же самозамкнутого мира, уточняя его, как бы коллапсируя в точку – в определенное конкретное свойство предмета, конкретный момент его развития, конкретного индивида – в некоторую сущность, на которой она фокусируется.

В каждый момент времени потенциальных и готовых к актуализации мыслей и слов бесконечно много. То же самое можно сказать и о внеположенных им потенциально бесконечных предметностях. Два этих выбора (самых сообщений и их предметных значений) как формы коллапса волновой функции осуществляются одновременно и мгновенно и, случившись, тотчас требуют следующих операций выбора – осмыслиенного в контексте предыдущих сообщений.

Два массива неопределенностей (в выборе комбинаций слов и их значений), встречаясь, образуют более или менее строгий порядок, конкретную последовательность высказываний. Основанием этого выбора служит текущий жизненно-мировой контекст или структура горизонтов жизненного ми-

¹ Двойная контингенция – фундаментальная неопределенность взаимодействий, при которой действия и ментальные акты каждого индивида зависят от действий и ментальных актов другого, создавая взаимозависимую систему ожиданий (или в более поэтической форме у Гете: «Der erste Schritt ist frei, zum zweiten sind wir Knechte»).

ра. Коллапсирование неопределенности сферы жизненного мира в конкретные аспекты опыта хорошо исследовано в феноменологии. А их средствами служат соответствующие различия *ретенции / потенции, актуального / потенциального, Эго / Альтера*¹ [5–7]. Применение этих различий превращает нечто хаотическое и диффузное в знакомый и понятный конкретный опыт.

Наука как коммуникация: диффузность коллапсирует в системность

Наука представляется некой выделенной сферой коммуникации, отличной от субъективности и неопределенности слов и реалий жизненного мира. По крайней мере эта неопределенность рефлексивно фиксируется и учитывается в экспериментах и теориях, где погрешности измерительных инструментов сами получают определенность. Понятия и термины определены и в отличие от слов естественного языка почти не зависят от контекстов употребления, или (что то же самое) осмыслены в одном и том же теоретическом контексте. Поэтому по крайней мере на стороне наблюдателя-исследователя всякие неопределенности систематически устраняются. Теории не должны быть внутренне противоречивыми и по возможности не должны противоречить другим теориям. Наблюдатель-ученый создает некую сеть или, лучше сказать, матрицу понятий и теорий, накладывая ее на диффузный внешний мир.

Однако насколько строгой и четкой является сама *граница* между четким научным и диффузным жизненно-мировым наблюдениями. Действительно ли мы можем провести демаркацию между *матричным* наблюдением ученого и *диффузным* жизненным миром – внешним миром науки, где сталкиваются и взаимоупорядочивают себя два массива неопределенностей – неопределенной семантики и диффузности сознания, с одной стороны, и неопределенности внешнего мира – с другой.

В целях иллюстрации сошлемся на известный в философии науки феномен «регресса экспериментатора» [8]². Мы используем некоторый экспериментальный инструмент, например телескоп, который позволяет нам уточнить рамки наблюдаемого объекта. Мы лучше видим его границы, рельефы Луны или спутники Юпитера. И именно это увеличенное качество разрешения, уточнения параметров объекта служит критерием качества, совершенства, функционирования, т.е. лучшего понимания свойств и функций самого инструмента, является условием его калибровки, адаптивности к области его применения, его восприимчивости к внешним раздражениям, способности детальнее отображать генерируемый им образ реальности. Так в зависимости

¹ Речь идет о темпоральной дистинкции *ретенции / протенции*, определяющих конкретность опыта во времени [5]. Во второй главе (§ 10–15) обсуждается структура временного потока и горизонты удержания-удержания. Ту же функцию конкретизирующего коллапсирования выполняет предметный горизонт с его структурой, выраженной дистинкцией *актуальное / потенциальное*. Ведь любой предмет коллапсирует в определенность через различия «ядра» актуальных свойств и окружающего его горизонта «со-подразумеваемого» (*Mitgemeintes*) [6. § 44, 69]. Социальный горизонт представлен дистинкцией *Эго/Альтер* [7. § 50, 55].

² «When scientists try to confirm whether an experimental result is valid, they must rely on other experiments or instruments. But those instruments themselves are only deemed reliable if they produce ‘correct’ results – which brings us back to the original problem. This is the experimenter’s regress» [8. P. 84].

от улучшающейся четкости картинки калибуется (т.е. получает более тонкую структуру) и сам инструмент. Таким образом, от тонкости настройки зависит четкость, воспринимаемых объектов, а от четкости воспринимаемых объектов зависят тонкость и четкость функционирования инструмента наблюдения. Вот она – двойная контингенция в области науки.

Но есть и другой аспект проблемы самореферентности научных наблюдений. Наука своими наблюдениями увеличивает число событий и объектов мира *по обе стороны границы* между наблюдателем и наблюдаемым. С одной стороны, с развитием астрономии и астрономических инструментов на небе появляется все больше звезд (хотя их и без того довольно много). С другой стороны, наблюдатель добавляет к наблюдаемому еще и само событие наблюдения. Наблюдение, уточняя размытый мир, создает массивы его более или менее четких проекций или моделей, т.е. в конечном счете уточняет само себя, создает свой собственный мир бесконечных снимков реальности, мир наблюдений и наблюдателей, ничуть не менее, а может быть, и гораздо более реальный, нежели фактически и когнитивно недоступная реальность реальной реальности. Собственно, так и возникает наука как социальная система, подразделяющаяся на все новые и новые научные дисциплины, как результат бесконечного процесса структурного уточнения диффузного мира.

Наука, уточняя мир, видит все больше свойств и деталей, структурных характеристик идистинций, которые способен различить только хорошо оснащенный и хорошо натренированный наблюдатель, и именно эта (инструментальная) оснащенность и натренированность – как свойства наблюдателя – создают этот все более детализированный и специфицированный, расположенный по полочкам мир, классифицированный по самым разным основаниям.

Однако сами эти основания, конечно, не находятся в этом внешнем мире науки, а определяются внутри научного целого. Выбор оснований для различий объектов осуществляется сам наблюдатель. Можно классифицировать звезды по размеру, можно по температуре, можно по возрасту и даже по принадлежности к созвездиям как коррелятам уникальной наблюдательной перспективы их детектора.

Парадокс самореференции научного наблюдения и его практическое разрешение через дисциплинарную дифференциацию

Этот парадокс самореференции, когда наблюдатель, по сути, наблюдает свои наблюдения, создавая все больше и больше наблюдательных снимков, аспектов, таксонов, проекций, моделей, «природных видов» – в себе идентичной – природы, естественным образом разрешается в процесс дисциплинарной дифференциации. Наблюдатель внутренне дифференцируется – дисциплинарно, трансдисциплинарно, междисциплинарно – и создает естественные виды только потому, что он и сам представляет собой «естественный вид», дифференцирующийся и специфицирующийся на естественные подвиды.

Такие квазиестественные виды (дисциплины, поддисциплины, лаборатории, научные группы и т.д.) собственно и создают своими наблюдениями коррелятивные им естественные виды. Никто, кроме них, не видит звезды в составе тех или иных специфических или типовых конstellаций. И это создает особого типа казуальные связи: на небе становится все больше звезд не

в последнюю очередь потому, что появляется новый естественный-неестественный вид наблюдателей, становится все больше особых людей, почему-то интересующихся звездами (как правило, за государственный счет). Причем определение независимой переменной в данной казуальности (от наблюдения к наблюдаемому или наоборот) не сводится целиком к вопросу реальности или эмпиричности этой независимой переменной как фактора причинности. Другими словами, вопрос о том, что первично в казуальном смысле – наблюдение или наблюдаемое, реальность или ее научное описание, рождает собственный парадокс. То, что постулируется как реальность (например, микромир сам по себе), когнитивно-недоступно, а то, что принимается как модель, получает явные эмпирические формы представления (в виде публикаций, наглядных представлений, и конечно – практических применений в прикладных дисциплинах). Реальность квантового мира лучше всего представлена в современных девайсах.

В этом смысле «естественный вид», данный в наблюдении, гораздо менее естествен и реален, чем естественный мир самих наблюдателей. Так, на вопрос о том, являются ли, например, социальные классы или социальные группы, отобранные по признаку общности занятий, профессий, интересов, образования, реальными эмпирическими группами, трудно дать однозначный ответ. Между тем вопрос о реальности и эмпиричности их описаний и наблюдений, представленных во вполне бумажных и электронных статьях, практически не стоит. Такой квазиестественный вид или дисциплина, как, например, популяционная биология, определен гораздо точнее и эмпирически нагляднее, чем сама биологическая популяция. По крайней мере границы и «сущностные свойства» популяции сегодня определяют в своих дискуссиях сами популяционные биологи. Ведь сам мир не делит себя на сущностное и несущественное. Вопрос «собирания различных свойств» в один сингулярный объект наблюдения как носителя данных свойств всегда ставит вопрос *выбора оснований*, по которым собираются группы объектов в соответствии с их свойствами (цвета, длины, принадлежности к популяции и т.д.).

Парадокс наблюдателя и коллективно-обязательная истина

Парадокс, описанный выше, приводит нас к ключевой развилке: наблюдая за объектом исследования, наука неизбежно наблюдает саму себя, поскольку любая фиксация «естественного вида» опирается на уже имеющуюся сетку различий. Системно-коммуникативная теория постулирует науку как систему коммуникаций, способную рефлексировать собственные рефлексии, т.е. выполнять функцию наблюдения второго порядка, фиксируя слепые зоны и тем самым удваивая семантику наблюдаемого мира. Возникает самореференциальный цикл: чтобы удостовериться в реальности объекта, нужны внешние свидетельства, но сами свидетельства производятся внутри науки.

Исторически этот парадокс разрешается через дисциплинарную дифференциацию. Разделяясь на всё более узкие области, наука словно выносит часть собственной оптики за скобки: каждая субдисциплина задаёт свои критерии релевантности и конструирует коррелирующие «естественные виды» объектов. Эта логика хорошо видна на примере классической триады «физи-

ка – химия – биология», из которой вырастают композиционные дисциплины – биохимия, астрофизика, физическая химия, размывающие старые границы и формирующие гибридные онтологии. Одновременно внутри каждой ветви укрепляются субполя (физика высоких энергий, системная биология), для которых именно специфичность методов, приборов и сетей цитирования становится главным маркером «естественности» объектов.

Вследствие таксономической фрагментации происходит рост эпистемической неопределенности. Единый «естественный вид» оказывается распадающимся на набор частичных проекций, зависящих от того, какое «измерение» (предметное, социальное или темпоральное) актуализирует сообщество наблюдателей. Уже на уровне естественных наук границы вида, популяции или даже элементарной частицы являются продуктом конвенций, встроенных в приборы и протоколы экспериментов. В социально-гуманитарном поле ситуация ещё острее: требования общественной значимости, академического статуса (эффект Матфея) и медиальной видимости заставляют постоянно перекраивать классификаторы, чтобы адаптировать реальность под институциональные ожидания.

Наличие широко распространённых и стабильных категорий облегчает объяснение результатов экспериментов. Классический «аргумент без чудес» (по *miracles argument*) [9] говорит о том, что успех науки наиболее разумно объясняется примерно истинным соответствием теорий и существенных классов. Например, Ричард Бойд утверждает, что многие биологические виды можно описать как «гомеостатические кластеры свойств»: механизмы природы (генетика, отбор и т.п.) поддерживают стабильный набор свойств внутри вида, что делает его «реальным» типом [10]. Классификатор исследователя служит «ловцом» существующих в природе связей между признаками: объекты, подпадающие под один класс, объединены глубинным механизмом или общим происхождением. Но именно эмпирическая история дисциплин показывает, что успех редко строится на «универсальных» таксонах, скорее наоборот – опирается на локальные онтологии, релевантность которых подтверждается до тех пор, пока работает конкретная исследовательская программа [11]. А попытка охватить всё поле единым набором категорий неизбежно сталкивается с «информационной перегрузкой» и приводит к избыточной семантической сложности.

Любая таксономия функционирует как акт измерения. Она фиксирует не столько уже готовый порядок вещей, сколько выбирает признак, по которому объекты становятся сопоставимыми. Это напоминает квантовый эксперимент: пока прибор не включён, система описывается множеством потенциальных состояний, но включение задаёт «рамку» и вытесняет конкурирующие описания. Перенесённая на классификацию, эта эвристика показывает, что «естественный вид» появляется ровно тогда, когда в рамках дисциплины формируется консенсус о том, что считать естественным. При этом критерии выделения признаков предзадаёт профессиональная социализация учёного: учебники, приборы, стандарты научных журналов, структура преподавания в вузе.

Выбор измерения никогда не нейтрален. Переопределив предметный критерий, дисциплина одновременно перераспределяет социальные полномочия (кто решает, что считать существенным), переписывает темпоральную

линию (корректирует историю объекта), закрепляет политико-этический статус результатов (кто получит финансирование, чьи учебники войдут в школьную / университетскую программу). Акт классификации превращается в нормативный жест, формируя «коллективно-обязательную» истину [12]. Как только классификатор «схлопывает» неопределенность, он превращается в регулятивный инструмент. Таксономии требуются государству – для планирования финансирования науки и технологий, бизнесу – для патентной защиты и рыночного позиционирования, образованию и СМИ – для стандартизованных нарративов.

Закреплённая в регламенте таксономия превращается в коллективно-обязательную истину, оспаривать его рискованно, так как можно лишиться грантовой поддержки или публичного кредита доверия. Парадоксально, но чем более фрагментирована наука, тем жёстче ей требуются стандартизованные классификации, чтобы удерживать коммуникационное единство между министерствами, журналами и аудиторией системы науки [13].

Измерение и классификация в науке оказываются в состоянии «двойной контингентности». Прежде чем провести измерение, необходимо классифицировать измеряемую величину, т.е. определить, какое именно свойство и в каких единицах будем фиксировать [14]. И наоборот, по аналогии с квантовой механикой можно говорить о «коллапсе» при переходе от множества потенциальных характеристик к конкретному результату. В квантовой теории акт измерения приводит суперпозицию состояний к одному определённому состоянию – аналогично этому применение классификатора к научному объекту «выбирает» одну из возможных граней его описания [15]. Каждый раз, когда учёные измеряют и классифицируют природу, они на самом деле сталкиваются с устойчивыми механизмами или объектами, стоящими за этими явлениями. Когда мы фиксируем явление по определённой классификации, то опираемся на реальные процессы, превращающие неявные состояния в наблюдаемые показатели [16]. Но разные экспериментальные установки дают разные результаты, выбор классификатора может привести к разной «реальности» объекта. В этом плане классификация – это «выбор измерения», задающий рамки того, что мы наблюдаем в условиях, когда учёному нужно избежать введения системы наблюдения с «релевантной» точкой отсчета, где последнее оставлено на аутсорс другим инстанциям. Введение интерсубъективно методологизированной таксономии институционально упирается в лозунг: «отнять и классифицировать». А вопрос о смысле науки как системы производства истины снимается с повестки.

Список источников

1. Масланов Е.В. Классифицировать и измерять: к вопросу об использовании классификаторов науки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 230–238.
2. Антоновский А.Ю. Наука в суперпозиции. К коммуникативной семантике понятия науки // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 4. С. 6–24. doi: 10.5840/eps202461452.
3. Mandelbrot B. How long is the coast of Britain? Statistical self-similarity and fractional dimension // Science. 1967. № 156 (3775). Р. 636–638.
4. Фуко M. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М. : Ad Marginem, 1999. С. 195–208.

5. Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени (1893–1917) / пер. с нем. В.И. Молчанова. М. : Гnosis, 1994.
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1 / пер. с нем. А.В. Михайлова. М. : Академический проект, 2021.
7. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д. Складнева. СПб. : Наука, 2001.
8. Collins H.M. *Changing Order: Replication and Induction in Scientific Practice*. Chicago : University of Chicago Press, 1985.
9. Bastianelli M. Putnam's no Miracles Argument // European Journal of Pragmatism and American Philosophy [En ligne], XIII-2. 2021, mis en ligne le 20 décembre 2021, consulté le 04 juin 2025. URL : <http://journals.openedition.org/ejpap/2524> ; doi: 10.4000/ejpap.2524
10. Boyd R. Homeostasis, Species, and Higher Taxa // *Species: New Interdisciplinary Essays* / ed. R. Wilson. Cambridge, MA : MIT Press, 1999. P. 141–186.
11. Касавин И.Т. Таксономии между реализмом и релятивизмом // Философский журнал. 2024. Т. 17, № 4. С. 164–172.
12. Туркенич Д.Ю. По ту сторону добра и зла: насколько допустимо мошенничество в науке? // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62, № 2. С. 227–239. doi: 10.5840/eps202562232
13. Костина А.О. Эпистемология добродетелей: нормативность, полемика, новые концептуальные инсайты // Журнал «Человек». 2022. Т. 33, № 2. С. 129–146.
14. Масланов Е.В. Технические науки: особенности конструирования предметного поля // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 1. С. 43–47. doi: 10.5840/eps20185516
15. Тухватуллина Л.А. О дополнительности коммуникативного и реалистского подходов к научной таксономии // Философский журнал. 2024. Т. 17, № 4. С. 157–163.
16. Столярова О.Е. О круговом понимании рациональности и регрессе экспериментатора // Вопросы философии. 2023. № 10. С. 141–145.

References

1. Maslanov, E.V. (2025) Classify and Measure: On the Use of Scientific Classifiers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 87. pp. 230–238.
2. Antonovskiy, A.Yu. (2024) Nauka v superpozitsii. K kommunikativnoy semantike ponyatiya nauki [Science in Superposition: Towards the Communicative Semantics of the Concept of Science]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(4). pp. 6–24. DOI: 10.5840/eps202461452
3. Mandelbrot, B. (1967) How long is the coast of Britain? Statistical self-similarity and fractional dimension. *Science*. 156 (3775). pp. 636–638.
4. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Translated from French by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem. pp. 195–208.
5. Husserl, E. (1994) *Lektsii po fenomenologii vnutrennego soznaniya vremeni* (1893–1917) [Lectures on the Phenomenology of the Consciousness of Internal Time (1893–1917)]. Translated from German by V.I. Molchanov. Moscow: Gnosis.
6. Husserl, E. (2021) *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga 1* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Book 1]. Translated from German by A.V. Mikhaylov. Moscow: Akademicheskiy proekt.
7. Husserl, E. (2001) *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations]. Translated from German by D. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka.
8. Collins, H.M. (1985) *Changing Order: Replication and Induction in Scientific Practice*. Chicago: University of Chicago Press.
9. Bastianelli, M. (2021) Putnam's no Miracles Argument. *European Journal of Pragmatism and American Philosophy*. XIII-2. DOI: 10.4000/ejpap.2524
10. Boyd, R. (1999) Homeostasis, Species, and Higher Taxa. In: Wilson, R. (ed.) *Species: New Interdisciplinary Essays*. Cambridge, MA: MIT Press. pp. 141–186.
11. Kasavin, I.T. (2024) Taksonomii mezhdru realizmom i relyativizmom [Taxonomies Between Realism and Relativism]. *Filosofskiy zhurnal*. 17(4). pp. 164–172.
12. Turkenich, D.Yu. (2025) Po tu storonu dobra i zla: naskol'ko dopustimo moshennichestvo v naуke? [Beyond Good and Evil: How Permissible is Fraud in Science?]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 62(2). pp. 227–239. DOI: 10.5840/eps202562232

13. Kostina, A.O. (2022) Epistemologiya dobrodeteley: normativnost', polemika, novye kontseptual'nye insayty [Virtue Epistemology: Normativity, Controversy, New Conceptual Insights]. *Chelovek*. 33(2). pp. 129–146.
14. Maslanov, E.V. (2018). Tekhnicheskie nauki: osobennosti konstruirovaniya predmetnogo polya [Technical Sciences: Features of Constructing a Subject Area]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 55(1). pp. 43–47. DOI: 10.5840/eps20185516.
15. Tukhvatulina, L.A. (2024) O dopolnitel'nosti kommunikativnogo i realistskogo podkhodov k nauchnoy taksonomii [On the Complementarity of Communicative and Realist Approaches to Scientific Taxonomy]. *Filosofskiy zhurnal*. 17(4). pp. 157–163.
16. Stolyarova, O.E. (2023) O krugovom ponimanii ratsional'nosti i regresse eksperimentatora [On the Circular Understanding of Rationality and the Experimenter's Regress]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 141–145.

Сведения об авторах:

Антоновский А.Ю. – доктор философских наук, исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: antonovski@hotmail.com

Кушнир Т.А. – исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: tim.and.kus@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Antonovskiy A.Yu. – Dr. Sci. (Philosophy), researcher, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: antonovski@hotmail.com

Kushnir T.A. – researcher, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: tim.and.kus@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025;
одобрена после рецензирования 01.10.2025; принятая к публикации 24.10.2025
The article was submitted 20.08.2025;
approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 24.10.2025